

**Инкорпорирование части калмыков в состав
Войска Донского в XVII–XVIII вв.**

Константин Николаевич Максимов

Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН
358000 Республика Калмыкия, ул. Илишкина, д. 8
Доктор исторических наук, профессор

УДК
94(47).04
5-071

АННОТАЦИЯ: В статье рассматриваются вопросы формирования населения Калмыцкого ханства и оттока его части на Дон. Донские казаки, по достоинству оценивая боевые качества, трудолюбие и толерантность калмыков, охотно принимали их в казачество. Перешедшие на Дон калмыки приобретали равностатусное положение с казаками и наравне с ними несли военную службу, приобщались к новым видам хозяйствования. Постепенно они инкорпорировались в социокультурное пространство Дона.

Ключевые слова: Русское государство; Калмыцкое ханство; делегация; договор; подданство; калмыки; перекочевка; Дон; донское казачество; взаимоотношение; инкорпорация; взаимовлияние.

Во второй половине XVI века окончательно завершается процесс создания Русского централизованного государства, которое складывалось на полиэтнической основе и формировалось как многонациональное. В числе этносов, оказавшихся в конце XVI в. на территории России, были ойраты (калмыки), представлявшие на начальном этапе вхождения в её состав две субэтнические группы – дербетов (владелец - Далай-Батыр) и торгутов (владелец - Хо-Орлюк). В связи с началом их официальных контактов центральные и местные учреждения России целенаправленно стали вести поиски путей юридического введения всех калмыцких улусов в состав Российского государства.

Тарский воевода С.И. Гагарин, выполняя указание царя Василия Ивановича Шуйского, изложенное в грамоте Посольского приказа от 30 марта 1607 г., направил своих посланцев к Далай-Батыру и Хо-Орлюку с предложением принять российское подданство и прислать в Тару для шертования самых “самых лутчих людей”. Прибывшая 21 сентября 1607 г. в Тару делегация от дербетов и торгутов вскоре была направлена в Москву. Калмыцкая делегация 14 февраля 1608 г. была у царя В. Шуйского на аудиенции, положившей начало официальному решению вопроса о приеме калмыков в российское подданство. В соответствии с государственной национальной политикой Приказ Казанского дворца 20 августа 1609 г. направил Далай-Батыру и Хо-Орлюку грамоты с предложением заключить договорные отношения о подданстве на условиях, достигнутых в Москве 14 февраля 1608 г. А условия были таковы: Калмыцким улусам “кочевати в Сибирской земли по Иртишу на Оми реке и по Камышлову и в-ыных местех, где похотят, и велели им под нашею царскою рукою бытии навеки неотступным, и ото всех недругов их оберегати и обороняти, и во всем бы они на наше царское жалованье были надежны. И они б нам, великому государю, служили и прямили во всем навеки неподвижно” [1]. Следует заметить, что в связи с утвердившимся в пределах России за ойратами названия народа как “калмыки”, центральные (Боярская дума, приказы) и местные её учреждения в официальных документах широко применяли термины “улусы Колмаки”, “улусы Колматцкой земли”, “колматцкие послы”, не разделяя их ни на “дербетов”, “торгутов” и другие группы.

В 1618 г. в контакт с администрациями сибирских городов вступает еще одна субэтническая группа – чоросы (тайша Хара-Хула), и в 1621 г. Хара-Хула получает Жалованную грамоту царя Михаила Федоровича о принятии его с улусами в российское подданство. Однако после междоусобной борьбы чоросов в 1625-1629 гг., втянувшей торгутов и дербетов, некоторая часть чоросов была вынуждена подчиниться тайше Дайчину (старшему сыну Хо-Орлюка). В состав официальной калмыцкой делегации, прибывшей в ноябре 1631 г. в Уфу, входили представители торгутов и хошеутов (4-я субэтническая группа). Поэтому после образования в 1635 г. Джунгарского ханства во главе с Эрдэни-Батур-хунтайджи (сыном чоросского тайши Хара-Хулы), второго ойратского ханства – Хошеутовского (между 1636–

1638 гг.), в прилегающих к Тибету районах Кукунора, во главе с Туру-Байху (Гуши-ханом, братом хошеутского тайши Байбагаса) все же в составе улусов торгутов имелось заметное количество чоросов и хошеутов.

К началу 30-х годов XVII в. к Волге прикочевали улусы торгутского тайши Хо-Орлюка в количестве около 50 тыс. кибиток. Подавляющее большинство населения его владения составляли торгуты и оставшееся незначительное количество чоросов, хошеутов. Тем не менее, население формировавшегося Калмыцкого ханства как по количеству, так и по составу весьма длительное время находилось в динамичном состоянии. В 1640-х гг. в Поволжье торгутские улусы пополнились несколькими дербетскими улусами, прибывшими из Джунгарского ханства, а в 1663 г. тремя тысячами кибиток хошеутского владельца Конделень-Убаши с четырьмя сыновьями, в 1674 г. прибыли ещё 4 тыс. кибиток дербетского владельца Солом-Церена. Поэтому, по всей вероятности, дербетский нойон Лабан-Дондук в 1744 г. правильно писал астраханскому губернатору В.Н. Татищеву о том, что «когда прибыл Солом-Церен, нас было 7 тыс. кибиток». Таким образом, эти факты свидетельствуют о том, что в формировании населения Калмыцкого ханства, подвергшегося институционализации высшей российской властью в начале 1660-х годов как этнополитическое образование, участвовали четыре субэтнические группы: торгуты, дербеты, чоросы и хошеуты, правители которых были связаны тесными родственными узами. Для поддержания постоянного контакта с ханством в 1661 г. был образован российский государственный орган территориального управления – Калмыцкий приказ на правах отделения Посольского приказа. Поэтому номадное феодальное ханство в Поволжье в этногенетическом, историческом и юридическом отношениях, несмотря на численное преобладание в нем торгутов, в официальных документах и литературе правомерно утвердилось как Калмыцкое.

Заметные изменения в количественном составе населения Калмыцкого ханства за счет притока улусов из Джунгарии произошли в годы правления (1669–1724 гг.) хана Аюки. Это объясняется, видимо, не только междоусобной борьбой в Джунгарском ханстве, но и надеждой прибывающих на лояльность правителя Аюки, воспитывавшегося до 12 лет во дворе джунгарского хана Эрдэни Батур-хунтайджи, деда по материнской линии. В первые же годы ханства Аюки (1671 г.) из Джунгарии прикочевала его родная сестра Дорджи-Араптан с 1 тыс. подвластных ей кибиток. Её муж Очирту-Цецен-хан, правитель джунгарских хошеутов, был там убит. В 1670–1680-х гг. прикочевали и вошли в состав Калмыцкого ханства дербетские владельцы Даян-Омбо, Баамбуш, Цаган-Батур и др.

В 1671 г. Аюка, победив на Яике хошеутского тайши Аблая, вернул себе улусы своего деда Дайчина в Приуралье. Окрепнув экономически и политически, хан Аюка решил избавиться от своих ближайших родственников, которые помогали ему в утверждении во власти, в борьбе за расширение владений, считая, что они могут стать его потенциальными конкурентами. Предчувствуя такую развязку, его двоюродные братья Дугар и Бок со своими улусами в 1669-1670 гг. откочевали на Дон, где они были приняты казаками и заключили мирный договор с атаманом войска Донского К. Яковлевым. Но осенью 1672 г. Аюка, расправившись с непокорными тайшами, вернул улусы Дугара и его сына Церена на Волгу, а их самих выдал в Астрахань как сторонников сепаратистских тенденций. Однако улусы тайши Бока все же остались в Войске Донском и стали основателями донского казачьего поселения калмыков [2].

А.П. Пронштейн писал, что калмыки появились на Дону в середине XVII века. Они сначала поселились в пустынных сальских и манычских степях, незадолго перед этим оставленных кочевниками там Большими ногаями и ушедшими за реку Ею. Вскоре калмыки расширили свои кочевья на запад до побережья Азовского моря, дав обязательство оберегать Задонскую сторону в Предкавказских равнинах [3].

Прибывшие на Дон калмыки, по всей вероятности, с целью собственного закрепления там и исключения со стороны хана насильственного возвращения начали принимать православную веру. В связи с этим уже в новой шертной (договорной) записи, данной в январе 1677 г. тайшами Аюкой и Замсой по случаю вступления на престол Федора Алексеевича, по настоянию представителей царской власти, появился новый пункт, гласивший: «А буде которые калмыки по своим желательствам в православную христианскую веру крестятся, и тех, для православныя христианския веры, нам тайшам и улусным нашим людям не просить, и об них Великому Государю не бить челом; а некрещеных калмыков ... и тех беглецов некрещеных отдавать нам назад». Это положение, за исключением пункта о возврате не-

крещеных, вновь полностью было воспроизведено в присяге, данной Аюкой в январе 1683 г. великим государям Иоанну и Петру Алексеевичам на втором году их царствования [4].

Несмотря на начавшийся отток калмыцкого населения с берегов Волги на Дон, к концу XVII в. в Калмыцком ханстве, по данным историков А.Г. Митирова и М.М. Батмаева, насчитывалось до 90–100 тыс. кибиток [5]. С ростом количества населения в Калмыцком ханстве значительно увеличивалось и поголовье скота, что влекло за собой не только сокращение территории для кочевий улусам, но и ухудшение пастбищ. Помимо того, с развитием Калмыцкого ханства и активным участием в российских военных действиях, надо полагать, заметно возросли государственные и военные расходы. А все это тяжелым бременем в виде податей (налогов), поставок лошадей и молодых воинов ложилось на владельцев улусов. В этих условиях соседние просторные донские степи с богатыми травостоем и водопоями были весьма привлекательны и заманчивы для кочевников-скотоводов. Мелких улусовладельцев, по всей вероятности, прельщала возможность получения постоянных земель для кочевий, государственного жалованья, самостоятельного ведения своего хозяйства. Важным фактором, помимо всего сказанного, в стремлении калмыков перейти на Дон служило получение ими равностатусного положения в казачестве. В связи с этим причины в откочевке части калмыков на Дон следует видеть не только в деспотизме хана Аюки, как это трактуется в историографии, но и в значительной степени в указанных выше факторах. Так, в 1690 г. с прибытием на Дон улусов Четеря (внук Солом-Церена) и Батыр-Черкеса (сын Солом-Церена) ранее прикочевавшие сюда калмыки получили для кочевья территорию между Доном и Донцом. А с 1694 г. донским калмыкам наравне с казаками установили постоянное жалование по 500 рублей в год из общей казачьей казны, сумма которой составляла 5100 рублей. Царской администрацией и атаманами Войска Донского это положение неукоснительно соблюдалось. В марте 1712 г. государственная казна, направив донским казакам 7 тыс. четвертей провианта и денежное жалованье за текущий год в сумме 17142 руб., специально оговорила: «да и калмыкам, которые служат царю, и живут у вас на Дону, прислано денег по 500 руб.».

Помимо этого, не менее важным условием выступали доброжелательные и заинтересованные отношения казаков к калмыкам как к умелым, храбрым воинам, не раз доказывавшим это в совместных походах и сражениях. По свидетельству В. Броневского, в октябре 1694 г. войсковой атаман Ф. Минаев через делегацию донских казаков, в состав которой входили 4 калмыка, во главе с атаманом зимовой станицы доносил царю о том, что на Дон перешли 47 калмыцких семей и укрепились поруками. Далее указывалось: «Куда же мы вместе с ними пойдем, они калмыки будут “наши крылья и бодрость, а неприятелем страх и досада”». Тем самым «донские казаки, полюбя соседей (калмыков. – К.М.) за удалство, охотно принимали их беглых» [6].

В условиях необходимости прочного закрепления Дона в составе Российской империи, возвращения Приазовья и Правобережной Кубани царская администрация проявляла заинтересованность в укреплении донского казачества. В связи с этим она поощряла и поддерживала донское руководство в политике притока калмыков на Дон. Поэтому инициатива, проявленная руководством Войска Донского по оседанию на Дону улусов владельцев Ильбека-Батыра, Етисана-Батыра, Четеря (около 1 тыс. человек), Черкеса-Батыра (по словам Мунко-Темира, более 5000 человек), 200 калмыцких (кибиток) семей, прикочевавших с берегов Волги на Дон в 1680–1690-х годах, а также из Джунгарии, минуя Калмыцкое ханство, в 1687–1688 гг. дербетского улуса Цаган-Батыра, получила государственное одобрение. В 1694 г. в Войске Донском наравне с казаками уже служило 600 калмыков-казаков. Таким образом, вполне можно согласиться с мнением историков о том, что в формировании населения Донской земли наряду с казаками и малороссиянами, обращенными в крестьян, приняли участие и кочевые калмыки. Не случайно путешественник С.Г. Гмелин, говоря о донских казаках, замечал, что «теперь немало также попадаются таких, у коих начертание лица отчасти калмыцкое, отчасти казацкое». Это же подтверждал профессор Санкт-Петербургского педагогического института Е. Зябловский [7].

В связи со значительным притоком калмыков и активным их участием совместно с казаками в походах на Кубань и Крым в 1694 г. последовал официальный акт Круга войска Донского по инкорпорации донских калмыков в состав казачества. Как уже было отмечено, этот процесс стал более интенсивным с отводом калмыкам земель для кочевий между Доном и Северским Донцом, а также с назначением им наравне с казаками государственного жалованья. Донские казаки охотно принимали к себе откочевавших калмыков, которые,

прельщаясь вольной казачьей жизнью, избытком и привольными лугами, избегая ханских наказаний за непослушание, уходили на Дон от своих владельцев многими семьями и женами, и детьми и со своим имуществом. Несмотря на запрещение, значительное приращение калмыков на Дону началось с 1699 г. [8] С этого времени, по утверждениям С.Г. Сватикова и В. Броневского, на Дону образовалось донское поселение базовых или юртовых калмыков со смешанным этногенетическим составом (представители торгутов, дербетов, хошеутов, небольшой группы хойтов и др.) [9]. А в 1699 г. состав донских калмыков пополнился дербетскими улусами братьев Цаган-Батыра – Баахана-тайши, Даши-Батыра и Цюрюма-Батыра, прибывшими из Джунгарии и недолго находившимися в Калмыцком ханстве. Во время азовских походов Баахан-тайше, участвовавшему в сражениях со своим отрядом калмыков вместе с казаками, удалось встретиться с Петром I и получить его официальное разрешение на кочевье на Дону близ Черкаска, нести службу наряду с казаками [10].

Постепенная перекочевка отдельных групп калмыков с берегов Волги на Дон, укрывательство казаками и отказ их выдачи, вызывали недовольство у Аюки и улусовладельцев. Совершенно прав был профессор Н.Н. Пальмов, писавший, что «беглые калмыки находили покровительство у казачества, и на этой почве... происходили крупные столкновения Аюки с казаками» [11]. В 1670–1680-х годах между ними заметно участились взаимные набеги, доходившие до кровопролития и угона пленных. Главные причины этих временных агрессивных взаимоотношений, на наш взгляд, заключались в том, что, с одной стороны, калмыцкие тайши, мстя казакам, которые придерживались своих неписаных правил «С Дона выдачи нет», за прием беглых калмыков и улусов, грабили и разоряли их селения, а с другой – провоцировали казаков на ответные набеги с целью устрашить сородичей, а также вызвать у казаков неприязненное отношение к калмыкам, сдержанность к их приему. Центральная власть эти противоречия между калмыками и казаками считала не принципиальными, как «мимошедшие ссоры».

Однако царской администрации в условиях напряженной обстановки на юге страны пришлось все же вмешаться и приступить к улаживанию взаимоотношений между калмыками и казаками. По поручению царя Федора Алексеевича, Посольский приказ настойчиво предложил князю К.М. Черкасскому и стольнику К. Козлову, руководству Дона (к ним с грамотой был послан Иван Маслов) примирить калмыков с донцами, убедить казаков, чтобы они «с калмыками ссор и задоров не чинили и войною на них не ходили». Вслед за этим последовал 31 июля 1677 г. строгий царский указ, адресованный донским казакам, «о принятии мер на прекращение своевольных нападений со стороны казаков на калмыков и о том, чтобы казаки жили с последними в мире и совете», поскольку калмыки «у нас, великого государя, в вечном подданстве». Вскоре взаимоотношения между ними урегулировались, и в 1682 г. атаман войска Донского Ф. Минаев писал в Посольский приказ, что с калмыками донские казаки «ныне в миру и задоров между них никаких нет ... приезжали в войско на Дон из калмыцких улусов многие калмыки и пригнали на продажу быки и овцы, и на Дону меняли на запасы и вино». Далее он добавлял: «Мы, холопы твои, с калмыцким Аюкаем и с иными тайшами помирились вечным миром, и после де того Мазан Батыр пошел с сыном своим и с калмыками под Азов войною и из Паншина городка Васька Пятиизбенский с товарищи пошли вверх по Дону крымскую сторону» [12]. Помимо этого, как выше отмечено, донские казаки в начале 1690 г. официально приняли прикочевавшего тайшу Черкеса со своим улусом в количестве до 5 тыс. человек и разрешили ему кочевать между Доном и Северским Донцом.

Таким образом, история калмыцкого этноса в XVII веке завершилась прибытием и закреплением его на берегах Волги, переходом части калмыков на Дон, достижением с казаками взаимной толерантности, подключением их к активным военным действиям совместно с донским казачеством и в составе иррегулярных войск по защите и утверждению границ юга страны, полной инкорпорацией Калмыцкого ханства в состав Российского государства.

В начале XVIII в. Петр I, видимо, учитывая роль калмыков в предстоящих военных событиях, а также в охране южных границ, обратил внимание на укрепление их положения в составе Войска Донского. В грамоте Петра Алексеевича от 19 февраля 1703 г. войсковому атаману Лукьяну Максиму сообщалось, что в феврале этого года к царю прибыла делегация в составе 26 человек от калмыцкого тайши Мунко-Темира, его сына Четер и брата Черкес, тайши Шурум-Батыра, улусы которых с 1701 г. кочуют на Дону. Они были приняты царем и отпущены с грамотой и жалованием. Донским атаманам и казакам предлагалось впредь посланцев для челобития от калмыков включать в состав казачьих зимовых стани-

ций (делегаций) и разрешать им вести переписку с государственными учреждениями в установленном порядке через азовскую почту.

В царской грамоте от 2 марта 1703 г., одобрявшей направление калмыков Балхаша и Батыра в Крым и Запорожье с разведывательной целью, чтобы «принять предосторожности против замыслов крымского хана и запорожских казаков», сообщалось о прибытии в составе зимовой станиции представителя калмыцких тайшей зайсанга Кочугея с товарищами. Далее речь шла о прикочевавших к Азову калмыцких улусов Мазана и его сына Селтена, а также Ямана Селтена, Бока Эрке Тасурхая, и о необходимости их закрепления на Дону.

В связи с откочевкой на Волгу в 1704 г. тайши Мунко-Темира было урегулировано царской грамотой от 18 июля 1704 г. положение оставшихся на Дону тайшей Дедеяла, Адяки, Болгака, Кичиня и Кады. Все государственное жалованье, которое предназначалось Мунко-Темиру, подлежало раздаче указанным тайшам. Кроме того, им разрешалось не только кочевать около Черкаска и Азова, получать государственное жалование, служить наравне с казаками, но проживать в крепостях. По переписи 1710 г. население Азова составляло 11630 человек, в том числе значились и калмыки. В том же году на Дону кочевало до 10 тыс. калмыцких кибиток (семей). С учреждением в 1701 г. в Азове епархии разрешалось и кочевым народам принимать православную веру [13].

Со смертью (1724 г.) хана Аюки и начавшейся междоусобной борьбы за власть царская администрация стала способствовать оттоку из ханства калмыков на Дон. В 1725 г. астраханский губернатор А.П. Волынский, в соответствии с указанием Правительствующего Сената, данным еще в 1716 г., принимать калмыков с женами и детьми на Дон и склонять их к крещению «ласкою, а не принуждением», тайно разрешил дербетовскому владельцу Четерю вернуться на Дон.

Помимо улуса Четеря, в том же году на Дон ушло до 2-х тыс. кибиток, которые были размещены у Черкаска и причислены в соответствии с указом императора от 6 октября 1715 г. к донским калмыкам, находившимся в ведении Войска Донского. Однако через год указом Правительствующего Сената от 14 января 1717 г. предписывалось «бежавших калмыков на Дон от хана Аюки отсылать к нему и впредь таких не принимать». Но здесь же добавлялось, что «а которых пожелают креститься, тех не возвращать, но крестить и размещать на службу и жительство не вблизи улусов хана». Тем не менее, грамотой от 5 мая 1724 г., известив войскового атамана Андрея Лопатина и Войско Донское, Петр I разрешил тайше Солом-Даржи со своим улусом поселиться и кочевать на Дону, служить наряду с казаками и получать жалованье. К этому времени на Дону уже находилось до 14 тыс. калмыцких кибиток, из них 10 тыс. юртовых («базовых») донских калмыков. Военная коллегия грамотой от 18 июля 1729 г., принятой в соответствии с указом высшего органа государственного управления России того времени – Верховного тайного совета, – окончательно причислила их всех к Войску Донскому [14]. Однако в административном отношении калмыцкие улусы, приравненные к станицам, имели черты автономности, т. е. улусовладельцы (нойоны – атаманы) сохраняли традиционные формы управления подвластными. К середине XVIII в. калмыцкие улусы, вошедшие в состав войска Донского, по территориальному признаку кочевий представляли три группы – Верхний, Средний и Нижний, за калмыцким населением которых закреплялись права казачества. Улусы (станции) делились на сотни во главе с сотником.

Хан Дондук-Омбо (1735–1741 гг.), используя свои военные заслуги и авторитет, поддержку императрицы Анны Иоанновны, учитывая отток калмыков на Дон, особенно уход улуса Баахан-тайши в 1733 г., заключил в 1735 г. с донским войсковым старшиной Д. Ефремовым договор о том, что «пришедшим в Черкасск до его ханства из разных владений калмыкам быть при войске Донском, и ему, Дондук-Омбо, их не требовать», а перекочевавшие калмыки на Дон после 1736 г. подлежали возвращению в ханство. Условия этого соглашения легли в основу указа Коллегии иностранных дел, принятого в 1736 г. от имени императрицы. В нем говорилось: «Всех зашедших на Дон калмыков, как находившихся на действительной службе и отправляющих оную наравне с донскими казаками, оставить при Войске. Ушедших с Дону в калмыцкие улусы возвратить на Дон обратно; если же калмыцкие тайши сих ушедших или сведенных, добровольно не выдадут, и в последствии найдутся в их улусах такие калмыки, которые откочевали на Дон до 1736 года, по Войску Донскому позволено будет учинить баранту, то есть взять силою столько калмыков, сколько от калмыков бежало к владельцам. Тех же, кои пришли на Дон после 1736 г., казаки должны без утайки возвратить их владельцам. А дабы побег на будущее время совершенно прекратить, то калмыкам, идущим из улусов на Дон, получать пашпорты за подписанием хана или его наместника; а жи-

вущих на Дону и желающих по делам своим ехать в ханские улусы, брать пашпорты за подписанием Войскового атамана. Если же и за сим кто-либо из калмыков явится без таковых пашпортов на Дону, или в улусах ханских, у таковых, по отбирании лошадей и всего имущества, какое с ним будет находиться, отсылать за караулом на прежние места» [15].

Помимо этого, в апреле 1737 г. последовал указ императрицы Анны Иоанновны, заступающий наказному атаману Ивану Фролову принимать калмыков к крещению, за исключением искренне желающих принять православие. Хотя незадолго до этого, 3 мая 1734 г., по её же указу Военная коллегия приказала генералу фон Вейсбаху: «Прибывших в донские казачьи городки из калмыцких улусов, желающих воспринять христианскую греческого исповедания веру калмыков, в силу указа 1725 г., принимая, крестить и от обид охранять, чего смотреть тебе войсковому атаману [Андрею Лопатину], а по городкам станичным атаманам, и в протчем во всем с ними поступать как оной наш, императорского величества, указ повелевает, и жить им, крещеным калмыкам, в станицах с казаками обще, дабы протчие ко вступлению в православную веру имели желание». В соответствии с этим указом калмыцкий тайша Батуджап (после крещения – Петр Федорович Батуджап), улус которого численностью 650 кибиток находился при крепости Святой Анны, со всем семейством в 1744 г. принял православие. С 1734 г. по приказу Военной коллегии 101 калмык его улуса служил в этой крепости вместе с 263 азовскими казаками. В челобитной Батуджапа на имя императрицы по поводу строительства деревянного дома в Черкасске говорилось, что его отец Бахан-тайджи Джаб и брат Зумбе служили при Войске Донском и участвовали во всех походах в 1702–1728 гг.

Однако и после указа 1736 г. приток калмыков на Дон не приостановился. Несмотря на просьбы Дондук-Даши, назначенного наместником ханства в июле 1741 г., во время аудиенции у Елизаветы Петровны 17 июня и 16 сентября 1742 г. о возвращении дербетовского улуса Лабан-Дондука, кочевавшего на Дону, сразу положительный ответ не последовал.

Видимо, учитывалось, что в это время шла русско-шведская война. Более 6 тыс. донских казаков вместе с юртовыми калмыками под начальством армейского бригадира И.М. Краснощекова (погиб 12 августа 1742 г.), а затем Степана Ефремова, походного атамана, активно участвовали до её окончания (вернулись из Финляндии только в сентябре 1743 г.) Помимо этого, в 1741–1742 гг. при Остзее находилось 3 тыс. донских казаков и калмыков.

Немаловажную роль в затягивании решения проблемы возвращения калмыков с Дона, возможно, сыграло прибытие в октябре 1742 г. в Москву донской легкой станицы во главе со станичным атаманом Андреем Авдеевым. В составе его делегации находились два донских калмыка Гечюль и Челей, которые наравне с казаками получили от императрицы Елизаветы I жалованье по 27,5 руб. и на подводку по 2,4 руб.

Только через год, после настоятельной просьбы астраханского губернатора В.Н. Татищева 16 декабря 1743 г., Елизавета Петровна подписала указ о переводе дербетовского улуса Лабан-Дондука с Дона к Волге. Императрица, дав поручение Коллегии иностранных дел, наместнику Дондук-Даше и владельцу улуса Лабан-Дондуку, организацию перекочевки этого улуса возложила на В.Н. Татищева, и ему должны были помочь бригадир Царицынской линии Кольцов и войсковой атаман Войска Донского.

Однако это не помешало в 1744 г. войсковому атаману Д. Ефремову с официального разрешения центральной власти включить в состав Войска Донского прикочевавших около 400 калмыцких кибиток. Данила Ефремов был сторонником закрепления калмыков на Дону и их службы в Войске Донском, даже в 1738 г. он предлагал калмыцкому хану Дондук-Омбо со всеми улусами прикочевать к Дону. В результате неоднократных апелляций в высшие властные инстанции и вмешательства Коллегии иностранных дел Дондук-Даши удалось лишь в 1754 г. добиться возвращения в ханство 566 калмыцких кибиток с общей численностью в 1515 человек обоего пола, откочевавших после 1736 г. [16].

С вступлением на царский трон Екатерины II и приходом к руководству иностранным ведомством канцлера М.И. Воронцова политика царской администрации по отношению к Калмыцкому ханству несколько корректируется. Наметилась тенденция к пресечению сепаратистских настроений внутри ханства, «к прекращению происходивших между ими несогласий», для того чтобы «целостность их и что они донныне остались совокупными, а не пришли в рассеяние». Эта новая политика царской администрации получила закрепление в двух документах, принятых в один день, 12 августа 1762 г.: в Грамоте Екатерины II наместнику ханства Убаши и в письме канцлера М.И. Воронцова дербетовскому тайше Галдан-

Церену (младший сын Лабан-Дондука), запрещавшем ему кочевать отдельно от улусов ханства. Все вопросы о перекочевке подлежали разрешению в Зарго (высший судебный орган Калмыцкого ханства) и уполномоченным по калмыцким делам А.Д. Бахтеевым. С этого времени и после ухода в 1771 г. значительной части калмыков в Китай почти до конца XVIII века прекратился их массовый отток из Поволжья.

В 1788 году, после смерти владельца Ценден-Дорджи, дербетовский улус в количестве 4881 кибитки из 5568, недовольный переводом в казенное ведомство и ограничением пастбищ на Волге, перекочевал на Дон. В соответствии с указом Екатерины II от 19 апреля 1793 г. предусматривалась возможность оставления его на Дону. По свидетельству Н. Пальмова, эта группа дербетов стала называться Большим Дербетом во главе с правителем Екремом Хапчуковым, а оставшаяся часть с 687 кибитками – Малым Дербетом под управлением Бабула, сына Цеден-Дорджи. По указу Сената от 20 сентября 1798 г., принятому в соответствии с высочайшим рескриптом императора Павла I от 30 августа, Большие Дербеты вошли в состав Войска Донского для отправления службы наравне с казаками. Управление донскими калмыками по указу Павла I от 16 февраля 1799 г. возлагалось на коллегиальный орган – правление в составе генерал-майора, штаб-офицера и владельца улуса, подчиненное Донской войсковой канцелярии.

Однако неожиданным препятствием к оседанию калмыков (большедербетовцев) на Дону оказалась попытка провести учетную перепись. Калмыки не называли возраст, дату рождения, а казаки-переписчики искажали фамилии, имена. Но все же правлению удалось провести перепись. Однако в мае 1800 г. большедербетовцы во главе с владельцем Екремом Хапчуковым и ламой Савин-Бакшой, сетуя на грубое обращение донских властей и произвол 4 приставов, назначенных над калмыками, покинули пределы Дона и перекочевали к Волге. В статистическом сборнике Войска Донского (вып. 11. Новочеркасск, 1912) отмечалось: «Орда была большая: при 1 владельце, 4 хурулах [в них духовенства – 1616 человек], 20 сотнях, она состояла из 3764 кибиток и заключала в себе до 9525 душ мужского пола», из них годные к службе – 2016 мужчин, отставные – 1356, малолеток до 19 лет – 4423, негодные к службе – 114 человек, 47 зайсангов. На Дону осталось 1657 дербетовских кибиток (29,7 %).

После этого последовали два указа императора Павла I от 13 и 19 июня 1800 г., где по второму указу поручалось астраханскому губернатору генерал-лейтенанту К.Ф. Кноррингу: «Если калмыки не согласятся возвратиться на прежнее свое кочевье, то оставить их в малом Дербете, ибо для государства никакой разницы не делает, кочуют ли они в малом, или на большом дербете, лишь бы не выходили из наших границ». Но для Войска Донского разницы оказалась заметной. В результате ухода калмыков, как писал В. Броневский, «Донское войско лишилось 9457 добрых конников, храбростью отличных, к службе всегда готовых и ревностных, как необходимых для хозяев пастухов и коновалов войску весьма полезных».

Что касается общей численности калмыков на Дону до откочевки дербетов, по нашим подсчетам, там проживало около 22–23 тыс. человек, из них учтенных по V-й ревизии населения России, проведенной в 1794–1795 гг., числилось 13622 человека (15,4 % всей численности калмыков страны), из них мужчин – 6772, женщин – 6850. По данным В. Броневского, на начало XIX века (точнее в 1802 г.) калмыков на Дону числилось 16415 человек обоего пола, в том числе служилых, отставных и малолеток – 6050 калмыков-казаков, духовного звания – 297 человек. Донские калмыки так же, как и казаки, разделялись на 4 разряда: 1) малолетки – до 19-летнего возраста; 2) несовершеннолетние – достигшие 19 лет, которые вносились в списки и 2 года оставались дома, а при достижении 21 года вносились в разряд служилых; 3) служилые – до 60 лет; 4) отставные – получившие отставку, инвалиды, больные [17].

К концу XVIII в. часть калмыцкого населения окончательно укрепились на Дону, вошла в новую геополитическую и социокультурную среду, инкорпорировалась в состав донского казачества. Калмыки, оказавшись в иноэтнической атмосфере, другой социально-общественной обстановке, начали втягиваться в межэтнические, хозяйственные, торговые, культурные, бытовые взаимоотношения с местным населением. В результате они приобрели равностатусное положение с казачеством и типичные формы его социальной, военной организации и управления. Все это способствовало переходу калмыков к более высокому уровню хозяйствования и приобщению к новым видам производственной деятельности, обогащению их культуры и уклада жизни. Однако, несмотря на активное влияние иноэтнического окружения, донские калмыки сохранили факторы национальной самоидентификации. Все это позволило в последующем им, сохраняя национальную культуру, духовность, традици-

онную сферу хозяйствования, подняться на новый уровень и внести свой вклад в развитие социокультурного пространства Дона.

Примечания:

1. Материалы по истории русско-монгольских отношений, 1607–1636 гг.: Сб. документов. М., 1959. С. 27, 34, 37–39.
2. Маслаковец Н.А. Физическое и статистическое описание кочевых донских калмыков. Новочеркасск, 1874. С. 12; Митиров А.Г. Ойраты – калмыки: века и поколения. Элиста, 1998. С. 96–97; Шовунов К.П. Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII–XIX вв.). Элиста, 1992. С. 36; Батмаев М.М. Калмыки в XVII–XVIII веках: события, люди, быт. Элиста, 1993. С. 102 и др.
3. Пронштейн А.П. Земля донская в XVIII веке. Ростов-на-Дону, 1961. С. 72.
4. Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное (Далее ПСЗ Российской империи). СПб., 1830. Собрание первое, с 1649 по 12 декабря 1825 г. Т. 2. С 1649 по 1675 гг. № 672. С. 84; № 990. С. 497.
5. Митиров А.Г. Истоки. Элиста, 2002. С. 11; Батмаев М.М. Указ. соч. С. 105.
6. Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным. Т. 1. Новочеркасск, 1891. С. 269; Броневский В. История Войска Донского, описание Донской земли. Ч. 1. СПб., 1834. С. 206, 207; Статистическое описание земли донских казаков, составленное в 1822–1832 годах. Новочеркасск, 1891. С. 275–277.
7. Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств естества. Пер. с нем. СПб., 1771. С. 260; Землеописание Российской империи для всех состояний. Санкт-Петербургского педагогического института ординарного профессора Евдокима Зябловского. Ч. IV. СПб., 1810. С. 428.
8. Маслаковец Н.А. Указ. соч. С. 13–14; Броневский В. Указ. соч. С. 68–69.
9. Сватиков С.Г. Россия и Дон (1549–1917). Исследование по истории государственного и административного права и политических движений на Дону. Издание Донской исторической комиссии. 1924. С. 23; Дарбакова В.П. К вопросу об этногенетической структуре донских калмыков. / Труды молодых ученых Калмыкии. Вып. III. Элиста, 1973. С. 68–75; Пальмов Н.Н. Материалы по истории калмыцкого народа за период пребывания в пределах России. Элиста, 2007. С. 228, 229.
10. Пальмов Н.Н. Указ. соч. С. 150–151, 221, 226–227.
11. Там же. С. 216.
12. Гучинов М.И. Об отношениях калмыков с донскими казаками во второй половине XVII века / Вестник института. № 3. Элиста, 1968. С. 71, 73; Акты, относящиеся к истории Войска Донского, ... Т. 1. С. 97–98.
13. Акты, относящиеся к истории Войска Донского, ... Т. 1. С. 194–195, 209, 210, 237; Бурлака О.В. Азов – город с тысячелетней историей. Вып. 10. Азов, 2005. С. 172, 179; Бюллер Ф.А. Кочующие и оседло живущие в Астраханской губернии инородцы. Их история и настоящий быт. Статья 1. // Отечественные записки. Т. XLIX. Науки и художества. СПб., 1846. С. 36.
14. Акты, относящиеся к истории Войска Донского... Т.1. С. 312; Соловьев С.М. Сочинения. Книга IX. История России с древнейших времен. Тома 17–18. М., 1993. Т. 18. С. 355; Кеппен П. Хронологический указатель материалов для истории инородцев европейской России. СПб., 1912. С. 53.
15. Броневский В. Указ. соч. Ч. III. С. 79.
16. Акты, относящиеся к истории Войска Донского, ... Т. 2. Ч. 1. С. 273, 274, 292, 304, 321; Т. 2. Ч. 2. С. 369–371, 379, 409, 411.
17. Сборник областного Войска Донского статистического комитета. Вып. 11. Новочеркасск, 1912. С. 44–45; Броневский В. Указ. соч. Ч. III. С. 13, 68–69, 80, 81, 83; Кабузан В.М. Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. М., 1990. С. 76, 181, 225; Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 331. Оп. 1. Д. 192. Л. 60–69.

**Part of Kalmyks' Incorporation into Donskoy's Troops
in XVII–XVIII centuries**

Konstantin N. Maksimov

Kalmyk Institute of humanitarian studies, RAS
358000 Republic Kalmykiya, st. Ilishkina, 8
Dr. (History), Professor

ABSTRACT: The article considers the formation of Kalmyk Khanate population and outflow of its part to Don. Don Cossacks appreciated Kalmyks' fighting qualities, industry and tolerance and willingly accepted them into Cossacks communities. Kalmyks, having moved to Don, gained the same status that Cossacks had, did military service and became familiar with new types of housekeeping equally with Cossacks. Gradually they have incorporated into Don sociocultural environment.

Keywords: Russian State; Kalmyk Khanate; delegation; agreement; nationality; Kalmyks; migration; Don; Don Cossacks; relationship; incorporation; mutual influence.

UDC
94(47).045
-071